

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

АРНОЛЬД
ТОЙНБИ

ВЫЗОВЫ
И
ОТВЕТЫ

КАК
ГИБНУТ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

СЭМЮЭЛ
ХАНТИНГТОН

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Самюэль Хантингтон

**Вызовы и ответы. Как
гибнут цивилизации**

«Алисторус»

УДК 66.2
ББК 327

Хантингтон С.

Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / С. Хантингтон —
«Алисторус», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-906817-86-0

Арнольд Тойнби (1889–1975) – английский философ, культуролог и социолог. Он создал теорию «вызова и ответа» (challenge and response) – закономерность, которая, по его мнению, определяет развитие цивилизации. Сэмюэл Хантингтон (1927–2008) – американский философ, социолог и политолог. Он утверждал, что каждая цивилизация видит себя центром мира и представляет историю человечества соответственно этому пониманию. Между цивилизациями постоянно идет противостояние и нередко возникают конфликты. Исход такой борьбы зависит от того, насколько данная цивилизация «соответствует» сложившемуся миропорядку. В данной книге собраны наиболее значительные произведения А. Тойнби и С. Хантингтона, позволяющие понять сущность их философии, сходство и расхождения во взглядах. Особое внимание уделяется русской цивилизации, ее отличиям от западной, точкам соприкосновения и конфликтам русского и западного мира. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 66.2
ББК 327

ISBN 978-5-906817-86-0

© Хантингтон С.
© Алисторус

Содержание

Арнольд Тойнби. Подъем и падение цивилизаций	6
Генезис цивилизаций. Действие вызова-и-ответа	6
Предпосылки исследования	6
«Расовый фактор» в генезисе цивилизаций	8
«Теория среды» применительно к объяснению генезиса цивилизаций	10
Действие вызова-и-ответа	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Арнольд Тойнби, Сэмюэл Хантингтон

Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации (сборник)

© Тойнби А. (Toynbee A.), Хантингтон С. (Huntington S.), правообладатели

© Перевод с английского П. Черемушкина, Ю. Новикова, Е. Жаркова и др.

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Арнольд Тойнби (1889–1975) – английский философ, культуролог и социолог. Он создал теорию «вызова и ответа» (challenge and response) – закономерность, которая, по его мнению, определяет развитие цивилизации. Сэмюэл Хантингтон (1927–2008) американский философ, социолог и политолог. Он утверждал, что каждая цивилизация видит себя центром мира и представляет историю человечества соответственно этому пониманию. Между цивилизациями постоянно идет противостояние и нередко возникают конфликты. Исход такой борьбы зависит от того, насколько данная цивилизация «соответствует» сложившемуся миропорядку.

В данной книге собраны наиболее значительные произведения А. Тойнби и С. Хантингтона, позволяющие понять сущность их философии, сходство и расхождения во взглядах. Особое внимание уделяется русской цивилизации, ее отличиям от западной, точкам соприкосновения и конфликтам русского и западного мира.

Арнольд Тойнби. Подъем и падение цивилизаций

Генезис цивилизаций. Действие вызова-и-ответа

Предпосылки исследования

Приступая к исследованию генезиса цивилизаций, подумаем, с чего начать: с мутации примитивных обществ в независимые цивилизации или с появления родственно связанных цивилизаций. Второй способ возникновения встречался в истории чаще, и будущее, по нашему мнению, принадлежит ему. Однако мутация приводит к гораздо большим изменениям, поэтому рассмотрим вначале именно этот способ генезиса.

Глубина мутации примитивного общества, становящегося цивилизацией, отражена в различиях между двумя видами обществ, существующих в настоящее время. Это различие следует признать как нечто само собой разумеющееся. Следующим шагом нашего исследования должно стать выявление характеристик, определяющих это различие. Оно не в наличии или отсутствии институтов, ибо мы покажем, что институты, будучи регуляторами межличностных отношений, представляют собой атрибуты всего рода, а следовательно, могут быть обнаружены в обществах обоих видов.

Не представляется возможным провести различие между цивилизациями и примитивными обществами и на основании разделения труда, потому что рудименты процесса разделения труда можно заметить и у примитивных обществ. В самом деле, процесс разделения труда – необходимое условие существования институтов, а следовательно, признак, свойственный любому человеческому обществу, ибо трудно представить себе общество, в котором индивид не вносил бы специфического вклада в общественную жизнь, исполняя свою социальную функцию.

Дополнением или противоположностью разделения труда является социальное подражание, или мимесис, что можно определить и как приобщение через имитацию к социальным ценностям. Мимесис – общая черта социальной жизни. Действие его можно наблюдать как в примитивных обществах, так и в цивилизациях, однако в разных видах обществ мимесис действует в различных направлениях. В примитивных обществах, насколько можно судить, мимесис ориентирован на старшее поколение и на уже умерших предков, авторитет которых поддерживается старейшинами, в свою очередь обеспечивая влияние и престиж власти. В обществе, где мимесис направлен в прошлое, господствует обычай, поэтому такое общество статично. В цивилизациях мимесис ориентирован на творческих личностей, которые оказываются первооткрывателями на пути к общечеловеческой цели. В обществе, где мимесис направлен в будущее, обычай увядает и общество динамично устремляется по пути изменений и роста.

Динамическое движение характерно для цивилизации, тогда как статичное состояние свойственно примитивным обществам. Однако, если спросить, является ли это различие постоянным и фундаментальным, ответ будет отрицательным. Все зависит от времени и места.

Все примитивные общества, дошедшие до нас в статичном состоянии, когда-то находились в движении; и все общества, ставшие цивилизациями, рано или поздно тем или иным способом придут к статическому состоянию. Примитивные общества нашего времени статичны, потому что они оправляются от напряжения, которое и ввергло их в данное состояние. Это не смерть, а спячка. Окаменевшие цивилизации статичны, потому что они утратили жизнь в результате неудачной попытки перейти из одного состояния в другое. Они мертвы. И смерть их нельзя ни опровергнуть, ни преодолеть. Их участь – распад, только разлагаться они будут

с различной скоростью: одни – как тело, другие – как древесный ствол, а иные – как камень на ветру.

А. Тойнби

Итак, нам не удалось до конца раскрыть предмет настоящего исследования – различие между примитивным обществом и цивилизацией, – однако нам удалось пролить свет на природу генезиса цивилизаций, что и было целью настоящего исследования. Начав с мутаций, преобразовавших примитивные общества в цивилизации, мы обнаружили процесс перехода от статического состояния к динамической деятельности. Эта же формула характеризует и альтернативный способ возникновения цивилизации – через отчуждение пролетариата от правящего меньшинства ранее существовавших обществ, утративших свою творческую силу. Правящее меньшинство такого рода обществ статично, и отделение пролетариата представляет собой динамическую реакцию именно на эту статичность, что в конечном счете оказывается главным условием возникновения нового общества.

Среди разнообразных символов, с помощью которых мыслители не раз пытались выразить чередование статики и динамики в ритме Вселенной, Инь и Ян кажутся более подходящими, ибо они непосредственно, а не с помощью метафоры передают меру ритма. Поэтому в данном исследовании мы будем использовать именно эти символы, поскольку они прекрасно передают музыку других цивилизаций. В «Magnificat» мы слышим песню радости Инь, восходящей к Ян: «Душа моя да возвеличит Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе Моем, Ибо снизошел Он по смирению прислужницы Своей...».

«Расовый фактор» в генезисе цивилизаций

Негативный фактор, который следует учитывать при анализе того длительного периода, что охватывает время существования примитивных обществ, – это сила инерции. Сила инерции, воплощенная в обычае, хорошо объясняет задержку человечества на примитивном уровне приблизительно на 300 тыс. лет. Однако почему же примерно 6000 лет назад некоторые индивиды направили свои усилия на то, чтобы преодолеть эту инерцию и перевести состояние Инь в активность Ян? Чем мощнее сдерживающая сила инерции, тем больший импульс следует ожидать от силы с обратным вектором, и, каков бы ни был источник этой силы, именно он запустил маховик человеческой жизни. Эту неизвестную силу мы исследуем ниже, определив ее пока как позитивный фактор.

Существует несколько альтернативных направлений, по которым следует искать этот фактор. Его можно искать в исключительности человека, сумевшего перейти от Инь к Ян; его можно искать в специфических чертах той среды, которая подготовила или позволила этот переход; можно его искать и в сфере взаимодействия микрокосма с макрокосмом, когда раса противостоит вызову среды. Рассмотрим каждую из этих альтернатив. Сначала возьмем фактор расы, а затем – фактор среды.

Раса – это термин, употребляемый для обозначения характерной черты, внутренне присущей какому-либо роду или виду, классу или группе живых существ. Расовые элементы, интересующие нас здесь, – это ярко выраженные психические или духовные качества, которые можно обнаружить в отдельных человеческих обществах и которые могут служить положительным фактором, направляющим данное общество по пути цивилизации.

В современном западном мире «расистское» объяснение социальных явлений весьма популярно. Расовые различия в анатомическом строении человека рассматриваются как неизменные и воспринимаются как свидетельства столь же неизменных расовых различий в человеческой психике. Причем предполагается, что они эмпирически объясняют как прошлые, так и будущие достижения определенных человеческих обществ. Эти расистские теории, начинающиеся всегда с подобных предположений, представляют собой поразительные примеры уже отмеченного нами феномена – влияния социальной среды на исследование истории.

Вера в то, что физические различия рас неизменны, присуща нашему времени и нашему обществу. Риторический вопрос: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс – пятна свои» (Иер. 13, 23) – предваряет в поэтической форме утверждение современных западных биологов, что приобретенные признаки не передаются по наследству. Столь же широко эта мысль была представлена и в прозе. Однако современный расизм, ставший модным на Западе, ничего общего не имеет с гипотезами науки. Этот глубокий предрассудок нельзя рассматривать как нечто рациональное. Расистские предрассудки в современном западном обществе – это не столько искажение научной мысли, сколько псевдоинтеллектуальное рефлексивное выражение расового чувства, а это чувство, как можно наблюдать в наше время, является результатом мировой экспансии западной цивилизации, начатой в последней четверти XV в.

* * *

Расовое чувство, которое на Западе исходило в основном от западных поселенцев за границей, имеет также религиозные основания в тех слоях, которые придерживаются протестантских вероучений.

В западной истории протестантизм возник непосредственно перед заокеанской экспансией и созданием заморских поселений, а в XVIII в. противоборство между народами Западной Европы за главенство в заокеанском мире закончилось полной победой протестантов, говоривших на английском языке. Они отвоевали себе львиную долю земель, принадлежавших примитивным народам, а также территорий, освоенных представителями других незападных цивилизаций, которые были не в состоянии противостоять экспансии Запада. Исход Семилетней войны решил будущее всей Северной Америки от Полярного круга до Рио-Гранде. Она стала заселяться новыми нациями европейского происхождения, культурные основания которых коренились в англо-протестантской версии западной цивилизации.

Это было большим несчастьем для человечества, ибо протестантский темперамент, установки и поведение относительно других рас, как и во многих других жизненных вопросах, в основном вдохновляются Ветхим заветом; а в вопросе о расе изречения древнего сирийского пророка весьма прозрачны и крайне дики.

Среди англоязычных протестантов до сих пор можно встретить «фундаменталистов», продолжающих верить в то, что они избранники Господни в том самом буквальном смысле, в каком это слово употребляется в Ветхом завете.

«Нордический человек» был впервые возведен на пьедестал французским аристократом, графом де Гобино, деятельность которого приходится на период между Реставрацией 1815 г. и революцией 1848 г.

Начав с педантичных выпадов против революционных и контрреволюционных политиков Франции и вооружившись «индоевропейской» гипотезой, Гобино разработал расовую теорию истории, которую он развил в блестяще написанной книге с провокационным названием «Трактат о неравенстве человеческих рас».

У теории де Гобино были эпигоны, плагиаторы, популяризаторы, последователи, но никто не затмил ее первоначального блеска и никто к ней не прибавил ни одной новой идеи, хотя желающих было много. Слово «индоевропейский» со временем трансформировалось в «индогерманский», а прародину первобытных «индогерманцев» стали искать в районе северо-европейской равнины, входившей в то время в пределы королевства Пруссии. Во времена правления императора Вильгельма II появился английский германофил, который еще более энергично пытался обратить других в свою веру в нордического человека. Взынченная фантазия Х. С. Чемберлена ранжировала великие цивилизации, великие народы, великие личности, пока не подвела их под рубрику «белокурая бестия». Не удовлетворившись отысканием нордических предков Карла Великого и «златокудрого Менелая», он нашел их для Данте и для Иисуса Христа. Все это изложено им в «Основах девятнадцатого века».

Олицетворением нордической расы для Х. С. Чемберлена была имперская Германия кануна мировой войны 1914–1918 гг.

Лязгом оружия изгнанная из Европы, идея Гобино смело перелетела через Атлантический океан и произвела фурор в Соединенных Штатах. В южных штатах, где нордическая ветвь белого населения достаточно сильна, «евангелие от белокурой бестии» без особого труда привлекло на свою сторону большое число приверженцев из числа не только врагов презренных негров, но и борцов с грозными янки на Севере. В состязании между Югом и Севером янки победили в последнем раунде – Гражданской войне, – но потом, за полвека интенсивной иммиграции, янки смешали свое «нордическое» золото с «альпийскими» и «средиземноморскими»

примесями, что дало южанам некоторый реванш. На языке кальвинистской теологии невозможно ограниченными человеческими усилиями смыть пятно первородного греха или спасти то, что должно погибнуть. Единственное, что в силах человека, – это исключить потерянную душу и запятнанное тело из общины праведных.

* * *

Наиболее эфемерной из интеллектуальных форм, в которых нашло самовыражение расовое чувство современного Запада, является «диффузионизм» британской школы антропологов. В этой теории эгоцентрическая мания, открыто проявляющая себя в культах «британского Израиля» и «нордического человека», столь тщательно закамуфлирована под науку, что кажутся сомнительными даже попытки искать ее там. Во всех ранее рассмотренных расовых теориях монополия исключительности, в которой усматривается причина всех достижений человечества, отдается той его части, к которой принадлежит и сам теоретик. «Британские израильтяне» относят сюда британских подданных, рожденных в Британии и проживающих в Соединенном Королевстве: защитники нордизма выделяют всех белых людей со светлыми волосами и голубыми глазами, обладающих черепом с определенными параметрами. Другие распространяют эту теорию на всех белых людей. В отличие от этих вульгарных и малообразованных эгоцентриков британские «диффузионисты» наделили бесценной монополией на исключительность ту часть человечества, которая жила за четыре или пять тысяч лет до нас. С этой точки зрения «избранным народом», исключительно одаренной, творческой расой были древние египтяне эпохи строителей пирамид. По мнению «диффузионистов», жители Египта той эпохи изобрели цивилизацию, а их потомки – дети Солнца – распространили это изобретение по крайней мере на полмира: от Египта до Ирака, от Ирака до Индии и Китая, от Индии до Индонезии, от Китая до Перу. Сторонники данной концепции утверждают, что на указанных территориях прослеживаются следы единой культуры, которые свидетельствуют, что «избранные люди» когда-то проделали весь этот путь. Главными из элементов древней культуры являются, по их мнению, сельскохозяйственная и ирригационная техника, институт касты, понятие войны, искусство обработки камня в скульптуре и архитектуре и поклонение Солнцу.

Проповедники «диффузионизма» приводят в подтверждение своей теории такое количество антропологического материала, что на первый взгляд может показаться, что это не просто интерпретация идей Гобино. Однако на деле они курят фимиам одному богу.

«Теория среды» применительно к объяснению генезиса цивилизаций

Следующий шаг – исследование неизвестного фактора, способствовавшего генезису цивилизаций в исторической среде.

Современное западное понятие расы, как мы уже выяснили, сформировалось в ходе экспансии западного общества, начавшейся в конце XV в. и продолжающейся до наших дней. Экспансия эта привела народы Запада в тесный контакт с народами иных культур, отличающимися, кроме того, и внешне. Эмпирические наблюдения требовали объяснения, вследствие чего и возникло понятие расы, заместившее принятое в богословской словесности понятие большого рода и соответствующим образом переосмысленное. Экспансия эллинского общества в свое время породила ту же проблему. Греческое решение обладало по сравнению с западным одним несомненным преимуществом – оно было лишено предрассудков. Самовозвышение, будучи общей, глубочайшей и, безусловно, наиболее безобразной чертой западных расистских теорий, совершенно отсутствует в эллинском мировосприятии. Вступив в контакты с людьми, сильно отличающимися от них самих, эллины сделали из этого вывод куда более

здравый. Различия между собой и своими соседями они объясняли воздействием среды на человеческую природу. Классическим трудом школы Гиппократов, излагающим эллинскую теорию среды, является трактат «О воздухах, водах и местностях», датируемый V в. до н. э.

Теория среды применительно к объяснению генезиса цивилизаций не влечет нравственных издержек, присущих расовой теории, тем не менее с интеллектуальной точки зрения и она уязвима. Обе теории исходят из того, что физическое различие, во-первых, фиксировано, во-вторых, постоянно и пребывает в причинно-следственной связи с другим эмпирически наблюдаемым фактором, а именно неодушевленной природой. Расовая теория находит свою дифференцирующую естественную причину в различиях человеческой внешности, теория среды – в различиях топографических, гидрографических, климатических условий, в которых оказываются живые общества. Различие между двумя теориями не является фундаментальным. Это всего лишь две попытки найти решение уравнения, приписывая различные значения одной и той же неизвестной величине. Сущность формулы, необходимой для решения этого уравнения, сводится к соотношению между двумя множествами изменений. И, прежде чем утверждать истинность теории, следует доказать правомерность этого соотношения. Мы уже видели, что расовая теория не выдерживает такого испытания, как, впрочем, и теория среды на поверку оказывается малоубедительной.

* * *

Рассмотрим два излюбленных примера теории среды: предположение о наличии причинно-следственной зависимости между особенностями Евразийской степи и долины Нижнего Нила и особенностями общества кочевников и древнеегипетского общества. Сравниваются, по существу, две весьма различные территории. Жизнь кочевников, которую наблюдали эллинские путешественники VIII или VII в. до н. э. в северных землях черноморского и азовского побережий, отличалась однообразием и монотонностью, что характерно для жизни реликтовых обществ и наших дней. Жизнь кочевников Евразийской степи представляет собой некий континуум. Сравнивать же надлежит не различные части одного целого, а различные целостные ареалы и целостные общества, существующие независимо друг от друга. Только появление похожих обществ при схожих условиях может служить доказательством, что теория среды действительно объясняет генезис цивилизаций.

Приняв Евразийскую степь и ее периферию за единое целое, мы можем, во-первых, поставить рядом с ней территорию, наиболее схожую с ней по условиям обитания. Эта территория простирается от западного побережья Персидского залива до восточного побережья Атлантического океана и от южных подступов Иранского нагорья, Анатолии, Сирии и Северо-Западной Африки до северных подступов Йеменской возвышенности и Абиссинии и северной лесной зоны Тропической Африки. Назовем эту степь «Афразийской», чтобы рассматривать ее в дальнейшем как независимое целое. А теперь поставим решающий вопрос: предопределяет ли схожесть естественных условий Евразийской и Афразийской степи подобие человеческих обществ, возникших на этих территориях? Ответ получим утвердительный. Для обоих регионов характерен кочевничество, что и предсказывалось теорией среды. Это становится особенно очевидным при сравнении евразийских и африканских домашних животных, прирученных кочевниками. Оба общества приручили верблюда (животное, которое не могло сохраниться в диком состоянии). Тот факт, что прирученный бактрийский верблюд в Евразийской степи и прирученный арабский верблюд в Афразийской степи представляют собой различные породы, указывает на то, что эти две победы одомашнивания были достигнуты независимо друг от друга. С другой стороны, стада евразийских кочевников состоят из лошадей и рогатого скота, а стада афразийских кочевников из овец и коз, поскольку африканский климат не позволяет пасти скот на обширных и обильных пастбищах.

Итак, предприняв первую попытку проверки, мы увидели, что сходные естественные условия определяли и сходство социального существования, причем не в силу мимесиса, а в силу единства природы. Однако при последующих проверках это соотношение нарушается. Ибо мы обнаруживаем, что в других регионах мира, которые, казалось бы, также предоставляли подходящие условия для культивирования номадического общества, таких как прерии Северной Америки, льяносы Венесуэлы, пампасы Аргентины, австралийские пастбища, не возникло тем не менее самостоятельных номадических обществ; следовательно, мы можем сказать, что основное требование теории среды не подтвердилось. Потенциальные возможности этих земель остались нераскрытыми. Они были реализованы инициативой западного общества в Новое время. Освоение американских и австралийских степей дало бы еще больший эффект, если хотя бы на одно поколение там было бы установлено номадическое общество. Но первопроходцы, у которых не было навыков кочевой жизни и которые испокон века жили сельским хозяйством и ремеслом, не могли стать кочевниками. Еще более примечательно то, что народы, жившие в этих краях до них, тоже не получили импульса к организации номадического общества. Они не могли придумать ничего лучшего, как использовать этот номадический рай для охоты, оставаясь на уровне примитивных охотников и даже собирателей.

* * *

Если подвергнуть дальнейшей проверке теорию среды, сравнив общества, подобные тому, которое возникло в долине Нижнего Нила, то мы увидим аналогичную картину.

Долина Нижнего Нила, так сказать, вписывается в общую систему Афразийской степи, да и климат в Египте такой же, как в прилегающих землях, за тем лишь исключением, что великая река обильно снабжает долину водой, а почву облагораживает наносным илом. Создатели египетской цивилизации поняли потенциальные возможности этих факторов. Их общество представляло собой разительный контраст с кочевой Афразийской степью. Итак, является ли специфическая среда, созданная Нилом в Египте, тем положительным фактором, благодаря которому и возникла египетская цивилизация? Для того чтобы подтвердить этот тезис, необходимо показать, что на других независимых территориях, где существовала среда аналогичного типа, возникла «речная» цивилизация. Обратимся к соседней территории – нижней долине Тигра и Евфрата. Условия в основном те же самые: Афразийская степь вокруг, сухой климат, достаточное водоснабжение и богатый иловый слой. Мы можем сказать вполне определенно, что здесь возникла искомая «речная» цивилизация – шумерская, напоминающая в значительной мере египетскую. Однако, как и в предыдущем примере, стоит нам расширить аналогию – сходство исчезает и соотношение теряет свою силу.

Например, оно отсутствует в иорданской долине – на территории, которая расположена к Египту ближе, чем Ирак. В иорданской долине были те же условия, что и в долине Нила, а также в долине Тигра и Евфрата, но там не возникло «речной» цивилизации.

Не обнаруживается соответствия и при анализе общества индской долины. Нижняя индская долина не испытала того глубокого запустения, которое постигло иорданскую долину. Ее потенциальные возможности стали использоваться, однако благодаря не инициативе местного общества, а усилиям поселенцев из нижней долины Тигра и Евфрата, которые, открыв целинные земли индской долины, засеяли их семенами шумерской цивилизации, носителями которой они были. При современном уровне наших знаний по этому вопросу подобное объяснение истоков индской культуры может быть оспорено. Защитники теории среды могут предостеречь нас от обобщений относительно индской долины, считая долину Ганга исключением из правил ввиду влажного тропического климата, как долину Янцзы – ввиду влажного и умеренного климата. На этом основании можно вычеркнуть и нижнюю долину Миссисипи, хотя Новый Орлеан в устье Миссисипи находится на той же широте, что и египетский Мемфис

или арабский Каир. Даже самые придирчивые критики не могут отрицать тот факт, что среда долин Нила, Инда, Тигра и Евфрата мало чем отличается от среды в бассейне Рио-Гранде и Колорадо на юго-западе Соединенных Штатов. Труд переселенца, вооруженного достижениями цивилизации, которые он привез с другого конца света, привел к тому, что американские реки стали творить чудеса, подобные тем, что создали некогда Нил и Евфрат благодаря египетским и шумерским ирригаторам. Можно насчитать полдюжины примеров среды нильского типа, но только две или три цивилизации «речного» типа. Генезис египетской и шумерской цивилизаций в такой среде скорее исключение, а не правило, следовательно, фактор среды не может рассматриваться как положительный фактор, обусловивший появление этих двух цивилизаций.

По той же логике гипотеза, согласно которой своеобразие православного христианства – продукт русских лесов, рек и зимы, может быть опровергнута указанием на то, что аналогичные условия не породили цивилизации в Канаде. Или если предположить, что природная среда Западной Европы является причиной рождения западной цивилизации, то следует напомнить, что присущие Западной Европе особенности можно встретить и на территории Соединенных Штатов, где, однако, не возникло самостоятельной и независимой цивилизации. Почему же сходные условия природной среды не породили сходных же цивилизаций по обеим сторонам Атлантического океана?

Таким образом, теория, согласно которой среда – «положительный фактор в генезисе цивилизаций», пока испытания не выдерживает. В то же время не вызывает сомнения, что человеческая среда в Северной Америке, если сравнить ее с Западной Европой или же с Россией, весьма своеобразна. Существуют и другие различия, например фактор времени, который также следует принимать во внимание.

* * *

Чтобы сделать наше рассуждение еще более основательным, следует исключить из рассмотрения все цивилизации, население которых не имело местных корней, и оставить только те, в которых и человеческая среда, и природная относились к одной и той же цивилизации.

Обратив внимание на такие случаи, можно попытаться выяснить, например, определяется ли генезис хеттской цивилизации природной средой Анатолийского плато в сочетании с человеческой средой, порожденной шумерской цивилизацией, учитывая, что звеном, связующим ее с хеттской, был внешний пролетариат шумерского общества, и сопоставить процесс этот с процессами, характерными для Иранского нагорья. В Иранском нагорье те же условия природной среды, что и на Анатолийском плато; оно географически расположено ближе к шумерскому обществу, из которого исходило излучение шумерской культуры, кроме того, не обнаруживается каких-либо препятствий проникновению в Иран цивилизации. И действительно, Иран стал вторым домом шумерской цивилизации, однако только через двенадцать веков после того, как разрушен был ее первый дом на Анатолийском плато.

Тот же самый вопрос можно задать и относительно мексиканской цивилизации. Если Мексиканское плато находилось в поле излучения культуры майя и было действительно положительным фактором, с помощью которого возникла мексиканская цивилизация, то почему одновременно с центральноамериканской цивилизацией не возникли цивилизации на побережье Тихого океана от Южной Гватемалы до Панамы? Почему цивилизация, связанная с цивилизацией майя, возникла на значительном от нее удалении, а не на центральноамериканских холмах, лежащих в непосредственной близости и имеющих столь благоприятную природную среду?

А что представляла собой среда, в которой возникла сирийская цивилизация? Природная среда – климат и топография сирийского побережья, человеческое окружение – миной-

ская цивилизация, поскольку сирийская цивилизация создана минойскими переселенцами, искавшими убежища на сирийском побережье в период постминойского междуцарствия. Если природа средиземноморского побережья, воспринявшая излучение минойской культуры, была действительно положительным фактором, благодаря которому возникла сирийская цивилизация, то почему одновременно с ней не возникли сестринские цивилизации на средиземноморском побережье Южной Италии, Сицилии, Северо-Западной Африки? Климат и топография здесь типичны для Средиземноморья, удаление от Крита и Киклад, где возникла минойская цивилизация, незначительно. Современные западные археологи все более склоняются к мнению, восходящему к традициям эллинской мифологии, согласно которому минойская цивилизация своего последнего периода оказывала культурное влияние не только на восток на побережье Сирии, но и на запад – на побережье Сицилии, а может быть, еще дальше. Почему же в течение постминойского междуцарствия, когда минойские беженцы распространяли сирийскую цивилизацию среди иудейских и арамейских варваров Аравийского полуострова, толпы других беженцев, устремившихся в противоположном направлении, не стали распространителями сестринской цивилизации в Южной Италии, Сицилии, на берегах Северо-Западной Африки, где ливийские и итальянские варвары континента являли собой не менее благодатную почву? Здесь не было ничего такого, что можно расценить как неблагоприятные условия для цивилизации. Почему же территории эти оставались неразвитыми в течение постминойского междуцарствия, когда в Сирии в аналогичных социогеографических условиях родилась новая цивилизация?

По-видимому, этих иллюстраций достаточно, чтобы показать, что даже представление об общей среде, в которую включаются как природный, так и человеческий элементы, оказывается неадекватным в качестве положительного фактора для объяснения генезиса каждой из двадцати одной цивилизации. Ясно, что различные сочетания этих двух элементов могут порождать цивилизацию в одном случае и не порождать ее в другом. С другой стороны, становится понятным и обратное: цивилизации могут появляться в обстоятельствах, в высшей степени различных. Природная среда может быть причиной зарождения таких типов цивилизаций, как «речная» – египетская, шумерская и, возможно, индуистская; «нагорная» – андская, хеттская, мексиканская; «архипелагского» типа – минойская, эллинская и дальневосточная в Японии; «континентального» – китайская, индская и православно-христианская в России; или «лесного» типа – цивилизация майя. Этот перечень демонстрирует, что, в сущности, любые климатические и топографические условия способны стать подходящей средой для возникновения цивилизации при появлении того чуда, которое мы называли положительным фактором в процессе возникновения цивилизации и поисками которого занимаемся в данном исследовании.

Сирийские воины

Действие вызова-и-ответа

В исследовании положительного фактора мы использовали методологию классической физики. Мы строили рассуждение в абстрактных терминах и проводили эксперимент с природными феноменами – силой инерции, расой, средой. Теперь, по завершении анализа, мы видим, что ошибок больше, чем достижений. Пора остановиться и задуматься, нет ли в самом нашем методе какой-то существенной ошибки. Может быть, под влиянием духа нашего времени мы незаметно для себя оказались жертвами «неодушевленных вещей», против чего сами же и предостерегали в начале исследования? Действительно, разве мы не применили к исследованию истории метод, выработанный специально для исследования неодушевленной природы? Предпринимая последнюю попытку решить стоящую перед нами задачу, двинемся по пути, указанному Платоном. Отрешимся от формул Науки и вслушаемся в язык Мифологии.

Исчерпав все возможности, мы пришли пока к одному выводу: причина генезиса цивилизаций кроется не в единственном факторе, а в комбинации нескольких: это не единая сущность, а отношение. Перед нами выбор: либо принять это отношение как взаимодействие неодушевленных сил (вроде бензина и воздуха, вступающих во взаимодействие в моторе автомобиля), либо как столкновение между двумя сверхчеловеческими личностями. Рассмотрим вторую из этих двух концепций. Возможно, она приведет нас к ответу.

Столкновение двух сверхличностей – излюбленный сюжет великих мифов и драм, созданных человеческим воображением. Столкновение между Яхве и Змием – история грехопадения человека, рассказанная в Книге Бытия. Другой сюжет из противоборства тех же антагонистов отыщем в Новом завете. Здесь дана история Искупления. Столкновение между Господом и Сатаной – сюжет Книги Иова. Столкновение между Господом и Мефистофелем – сюжет «Фауста» Гете. Столкновение между Артемидой и Афродитой – сюжет «Ипполита» Еврипида.

Другую версию того же сюжета можно найти в повсеместно распространенном и вечно повторяющемся мифе о столкновении между Девой и Отцом ее Чада. Образы этого мифа под бесконечным многообразием имен разыгрывались на тысячах подмостков: Даная и Золотой Дождь; Европа и Бык; Семела и Зевс; Психея и Купидон; Гретхен и Фауст. Эта тема в измененном виде звучит также в Благовещении. В наше время этот миф нашел свое отражение в словах одного из западных астрономов, который по вопросу о генезисе планетарной системы заявил следующее: «Мы верим... что какие-нибудь две тысячи миллионов лет тому назад... вторая звезда, слепо блуждая по Вселенной, попала случайно в область нахождения Солнца. Подобно тому как Солнце и Луна являются причинами приливов и отливов на Земле, эта звезда стала причиной приливов на Солнце. Но они, естественно, должны были сильно отличаться от тех незначительных приливов, которые маленькая Луна способна произвести в океане; гигантская приливная волна должна была пройти по поверхности Солнца, образуя огромную гору, которая становилась все больше и больше, по мере того как сила притяжения увеличивалась. И, прежде чем вторая звезда стала удаляться, эта гигантская гора, разросшаяся до чудовищных размеров, разлетелась в клочья, подобно тому как дробится гребень морской волны. С тех пор вокруг своего родителя Солнца стали вращаться различной величины тела. Они суть большие и малые планеты. Земля принадлежит к числу средних».

Таким образом, астроном-математик вдруг неожиданно возродил старый миф о столкновении между богиней Солнца и ее похитителем. Миф, более привычный в устах непросвещенных детей Природы.

* * *

В данном исследовании тема столкновения двух сверхчеловеческих персонажей затрагивалась не раз. Общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем и каждая из них есть вызов.

Иными словами, можно сказать, что функция «внешнего фактора» заключается в том, чтобы превратить «внутренний творческий импульс» в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций. Если в качестве примера внешнего фактора взять климатические и географические условия, то мы обнаружим, что наше утверждение согласуется со следующими словами Хантингтона: «Относительно частые шторма и продолжительные ежегодные циклоны, очевидно, были характерны для тех мест, где цивилизации достигали высокого уровня развития как в прошлом, так и в настоящем». Тезису о связи цивилизаций «циклонным поясом» противоположно утверждение, согласно которому цикличность климатических явлений не благоприятствует развитию цивилизаций.

Однако, по-прежнему предполагая, что форма тела, будучи внешним фактором, воздействует на внутренний творческий фактор, на человеческую психику, попробуем наконец вывести «закон», который подтвердил то, что в генезисе цивилизаций принимает участие более чем одна раса. Если эмпирически верно, что метисы более восприимчивы к цивилизации, чем чистокровные породы, то можно приписать это достоинство стимулу, действующему на человеческую психику через смешение двух различных физических линий.

Прибегая вновь к языку мифа, можно сказать, что импульс или мотив, который заставляет совершенное состояние Инь перейти в стадию деятельности Ян, исходит от вмешательства Дьявола в божественную Вселенную. Событие это лучше всего может быть описано в мифологических образах, потому что при переводе на язык логики начинают проявляться противоречия. Если следовать логике, то при совершенстве божественной Вселенной Дьявол не может находиться за ее пределами; между тем, если Дьявол существует, совершенство, которое он намерен нарушить, заведомо неполно вследствие самого факта существования Дьявола. Это логическое противоречие, которое не может быть разрешено логическими средствами, интуи-

тивно трансцендируется воображением поэта и пророка, прославляющих всемогущество Бога. При этом считается само собой разумеющимся, что работа Бога имеет два существенных ограничения.

Первое ограничение заключается в том, что в совершенстве того, что Он уже сотворил, Он не оставил места дальнейшей творческой деятельности.

Второе ограничение божественной силы сводится к тому, что, когда предоставляется возможность нового творения, Бог не может не принять ее. Когда Дьявол бросает Богу вызов, Бог не может отклонить его. «Живи опасно» – идеал Заратустры у Ницше, для Бога – необходимость. Это ограничение иллюстрируется притчей о плевелах: «Пришедши же, рабы домоладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя ты сеял на поле своем? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человек сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы. Оставьте расти вместе и то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою» (Матф. 13, 27–30).

Если одна из Божьих тварей искушается Дьяволом, у Бога открывается возможность создать новое творение. Вмешательство Дьявола вызвало переход от Инь к Ян, от статичного к динамическому, ибо Господь создал совершенство, но в силу собственного совершенства Он не смог передать ему свое совершенство. И Дьявол сделал это за Бога. Когда Инь перешло в Ян, Дьявол не в силах уже удержать Бога от нового акта творения переходом от Ян к Инь на более высоком уровне. Божественное равновесие нарушается из-за сатанинской вечной неуспокоенности. Возрождение равновесия по новому божественному плану полностью во власти Бога. В акте творения, который является единственным постоянным и значимым результатом общения Бога с Дьяволом, «нет никакого демона», который бы осуществил «эту работу».

Таким образом, Дьявол обречен на проигрыш не потому, что он сотворен Богом, а потому, что он просчитался. Он играл руками Божьими, испытывая злобную удовлетворенность от вмешательства божественных рук. Зная, что Господь не отвергнет или не сможет отвергнуть предложенного пари. Дьявол не ведает, что Бог молча и терпеливо ждет, что предложение будет сделано. Получив возможность уничтожить одного из избранников Бога, Дьявол в своем ликовании не замечает, что он тем самым дает Богу возможность совершить акт нового творения. И таким образом божественная цель достигается с помощью Дьявола, но без его ведома.

* * *

Можно заметить, что развязка этого сюжета связана с особой ролью существа, избранного Богом, – оно лишь объект спора. Здесь мы снова сталкиваемся с ситуацией, полной логических противоречий. Иов и Фауст оказываются и избранниками Божьими, и жертвенными сосудами. Самим фактом подчиненности своей участи они уже исполнили предначертанную функцию. Действуя сам по себе, Дьявол тем не менее исполняет божественную цель, а дьявольские планы предусматриваются Богом; ибо, несмотря на жертву существа, сам Творец сущ, хотя тварное принесено в жертву. Творение продолжается: «Вначале Ты (Господи) основал землю, и небеса – дело Твоих рук. Они погибли, а Ты пребудешь; и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся. Но Ты – тот же, и лета Твои не кончатся» (Пс. 101, 26–28).

И снова этот избранный сосуд, обреченный на разрушение, – предмет спора между Дьяволом и Богом – является полем их сражения, ареной, где проходит поединок, сценой, где разыгрывается пьеса; вместе с тем он оказывается и участником драмы. Созданный Богом и отданный Дьяволу, он предстает взору пророка воплощением как Создателя, так и Искусителя, тогда как в психологическом плане Бог и Дьявол в равной степени редуцируются к конфликту-

ющим психическим силам в его душе – силам, у которых нет самостоятельного существования вне символического языка Мифологии.

Известна концепция, согласно которой объект спора между Богом и Дьяволом есть воплощение Бога. Это центральная тема Нового завета. Переведена она и на язык современной западной физики. «Индивид и его части обоюдно поддерживают и являются границами друг друга; ничто не может быть взято в изоляции от целого, а все вместе представляет собой ту сложную взаимосвязь равновесия, которая называется Жизнью. И получается так, что общий контроль над целым сохраняется и поддерживается частями, и функции частей всегда направлены на сохранение целого». Концепция, согласно которой предмет спора одновременно является и воплощением Дьявола, менее распространена, но, возможно, не менее глубока. Это выражено во встрече Фауста с Духом Земли, который унижает Фауста своим заявлением, что он схож с духом – еще не явившимся Мефистофелем.

Остается признать эту роль «Дьявола-Бога», совмещающую в себе часть и целое, тварное и воплощение, арену и состязающегося, подмости и участника спектакля; ибо та часть пьесы, где проходит собственно спор между силами Ада и Рая, лишь пролог, тогда как само содержание пьесы – земные страсти человека.

В каждом представлении этой драмы страдание является ключевой нотой в роли человеческого протагониста независимо от того, играет ли эта роль Иисусом из Назарета или Иовом, Фаустом и Гретхен, Адамом и Евой, Ипполитом и Федрой или Хедом и Бальдром. Объективно испытание состоит из череды ступеней, которые испытываемый должен последовательно преодолеть во имя божественной цели.

На первой ступени главный герой драмы реагирует на нападение со стороны искушителя переходом из состояния пассивности к активности – от Инь к Ян. Действие по своей природе может быть либо низменным, как в случае, когда Старый моряк, как это описано в поэме Кольриджа, стреляет в Альбатроса или когда Локи руками слепого бога Хеда пускает в Бальдра стрелу из омелы; либо возвышенным, как, например, в случае с Иисусом, когда он, будучи искушаем в пустыне сразу после своего крещения в Иордане, отвергает традиционную для верований иудаизма роль Мессии, призванного привести избранный народ к владычеству над всем миром с помощью меча (Матф. 3, 13–15; Марк 1, 9–13; Лука 3, 2–22, и 4, 1–13). Существенна здесь не нравственная сторона поступков и характеров, а динамические последствия содеянного. Поступок Старого моряка изменяет судьбу корабля и его команды; действие Иисуса меняет саму концепцию Мессии и таким образом придает ей новую силу. Соответствующее действие в испытании Иова – это проклятие дня его рождения – протест, в результате которого появляются все заслуги Иова и раскрывается справедливость Бога. В испытании Фауста этот пункт разработан и представлен более понятно.

До того как на сцену выходит Мефистофель, Фауст уже пытается разрушить свое состояние Инь – свою неудовлетворенность рамками познания. Он желает бежать из своей духовной тюрьмы через искусство магии, но отгоняется Духом Земли; он хочет совершить самоубийство, но его останавливает хор ангелов; он вновь переходит от действия к созерцанию; однако его ум алчет действия, и он перефразирует «В начале было Слово» на «В начале было Дело». Тут-то и появляется Мефистофель в облике животного; но, до тех пор пока искушитель не предстает перед ним в человеческом облике, Фауст не совершает динамического действия – проклятия всей нравственной и материальной вселенной. Но стоит прозвучать проклятию, и невидимый хор духов с радостью извещает о том, что старое творение покачнулось, а новое творение началось.

Таким образом, первый акт в испытании человека – переход из Инь в Ян через динамическое действие, совершаемое Божьей тварью вследствие искушения, – позволяет самому Богу восстановить свою творческую активность. Но за этот прорыв приходится платить; и платит не

Бог – жестокий хозяин, жнуший там, где не Он сеял, и собирающий там, где не жал (Матф. 25, 24), – но слуга Божий, сеятель – человек, который за все расплачивается сполна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.